

Для него предстоящий конкурс не отличался от других. Разве что сцена была больше, а людей — больше. Его желание было простым: стоять на сцене и выражать свои чувства через песни, слушая аплодисменты. О победе или поражении он даже не задумывался.

Возможно, в этом и заключалась разница между певцом и исполнителем.

Первый стремится произвести впечатление и получить что-то взамен, второй — выразить себя и наслаждаться процессом.

Тань Цзыфэн тоже не придавал большого значения предстоящему конкурсу.

Как главный фаворит, он был уверен в своем выходе в тройку финалистов. Для других участников этот этап был борьбой не на жизнь, а на смерть, а для него — просто формальность.

Однако этот, казалось бы, легкий процесс осложнился из-за Бай Цзиньиня.

Их образы немного пересекались — оба были холодны и сдержанны, но Бай Цзиньинь был выше, а его харизма... После выхода тематического клипа кто-то написал, что в сравнении он выглядел как рекламный образ, а Тань Цзыфэн — как его дешевая копия. У Бай Цзиньиня все было естественно, а у Тань Цзыфэна — наигранно и искусственно.

Этот комментарий попал в самое больное место — его скрытое уязвимое место.

Его команда тоже заметила это и посоветовала избегать появления в одном кадре с Бай Цзиньинем, а если это невозможно — держаться на расстоянии.

Но что ему теперь делать? Они не только выступают на одной сцене, но и одеты в похожие костюмы.

Костюм Бай Цзиньиня, сшитый вручную, вызвал восторг у костюмера, который сказал, что такое мастерство доступно только старым мастерам, и даже договорился с Бай Цзиньинем о встрече, чтобы научиться у него.

Тань Цзыфэн не разбирался в этом, но видел разницу между их костюмами. Его был сделан с изысканной отделкой, с серебряными и золотыми узорами, сложными и красивыми, в стиле барокко. Костюм Бай Цзиньиня выглядел простым и элегантным, с единственным ярким элементом — серебряным драконом, вышитым на воротнике, который словно парил в облаках.

Только сейчас, глядя на большое зеркало, где участники репетировали танцевальные движения, он понял, в чем разница.

Бай Цзиньинь выглядел так, будто был одет в индивидуально сшитый костюм от Версаче, скромный и изысканный, а он сам — как богач, увешанный килограммами золота.

В семь тридцать из VIP-зоны на сцену вышли мужчина и женщина. Женщине было около тридцати, она выглядела ухоженно и была одета в строгий черный костюм, излучая деловую хватку. Это была Ван Шэннань, вице-президент «Синьуй Энтертейнмент».

Перед ней шел мужчина средних лет с немного полноватой фигурой и одутловатым лицом. Он излучал аурой человека, занимающего высокое положение. Если бы не его слегка мутные глаза, он бы выглядел вполне привлекательно.

Они подошли к специально отведенным для них местам. Мужчина взглянул на судейскую

коллегию, где сидел Цинь Сун в строгом костюме, и с удивлением спросил Ван Шэннань:

— Госпожа Ван, это... это же Цинь Сун?

Ван Шэннань, казалось, не была удивлена его реакцией и тихо объяснила:

— Не подходите к нему. Господин Цинь предупредил меня заранее, так что... вы понимаете.

Мужчина кивнул, но его взгляд все еще был прикован к Цинь Суну. Цинь Сун, почувствовав это, поднял глаза и посмотрел на него.

В этот момент подбежал Взлетающая Обезьяна, низко поклонившись:

— Господин Цинь, вы пришли! Я так занят, что даже не заметил. Не ожидал, что вы сегодня лично появитесь на месте. Может, скажете пару слов перед началом?

Мужчина рассеянно махнул рукой:

— Не надо, идите и занимайтесь своими делами.

Тот факт, что режиссер так почтительно относился к этому мужчине, говорил о многом. Даже директор телеканала вел бы себя так же.

Это был Цинь Хуа, генеральный директор корпорации Цинь и племянник председателя. «Синььюй Энтертейнмент» была всего лишь одной из дочерних компаний.

— Зачем он здесь? В качестве судьи? — Цинь Хуа выглядел немного беспокойным. — Почему ты мне не сказала? Если бы я знал, что он будет, я бы не пришел.

Ван Шэннань покачала головой с горькой улыбкой:

— Вы его боитесь, а я, маленький вице-президент, не смею раскрывать его местонахождение. Раз уж вы здесь, уходить сейчас будет неудобно.

Цинь Хуа посмотрел на нее с упреком, но промолчал. Ван Шэннань тихо засмеялась, наклонилась к его уху и прошептала:

— Не волнуйтесь, я умею держать язык за зубами. Я ничего не знаю о ваших делах. Ну и что, что вы, господин генеральный директор, заинтересовались маленькой артисткой?

В семь сорок пять, по команде режиссера, началась трансляция.

Музыка зазвучала тихо, сцена погрузилась во тьму, а на потолке лазерные огни создали узор из звездного неба. Бай Цзиньинь, одетый в светло-голубую рубаху конфуцианца, медленно вышел на сцену, освещенную прожектором.

Задумка была в том, чтобы создать образ человека, задумчиво смотрящего вдаль под звездным небом, что соответствовало первой строке песни.

Однако Бай Цзиньинь интерпретировал это по-своему. Он вышел на сцену, словно прогуливался после ужина, без выражения на лице, поднял голову, затем опустил.

Цинь Сун, сидя в судейской коллегии, следил за фигурой на сцене, и на мгновение его взгляд стал мечтательным.

Сколько раз он видел И Хуэя на сцене, а сам сидел в тени, словно их любовь была разделена днем и ночью, встречаясь лишь на рассвете и закате.

Под музыку Бай Цзиньинь запел, и, несмотря на неуклюжие движения, его голос звучал волшебю:

— Звезды текут, жизнь — как сон.

В то же время Яо Бо вышел с другой стороны сцены, глядя на Бай Цзиньиня, он тихо ответил:

— В бескрайнем море людей мы встретились.

Они сошлись в центре, взгляды их встретились. Яо Бо взял Бай Цзиньиня за руку, и они повернулись к зрителям, запевая хором:

— Вместе мы идем к мечте, ля-ля~ ля-ля-ля~

Цинь Сун холодно посмотрел на них. Судья находился близко к сцене, и он отчетливо видел, что их руки сцепились не просто для шоу, а — пальцы переплелись.

Остальные десять участников вышли с разных сторон, каждый в своем образе, и сцена начала оживать. Двенадцать человек под музыку пели и танцевали, но Цинь Сун заметил, что после первого выхода Бай Цзиньинь все время прятался за спинами других.

Причину этого лучше всего знал хореограф.

Впервые двенадцать финалистов должны были исполнить заглавную песню вместе, и просто стоять на сцене без движения было нельзя. Учитывая уровень участников, танцевальные движения были простыми. Однако с Бай Цзиньинем хореограф столкнулся с самой большой проблемой в своей карьере.

Бай Цзиньинь учился с усердием, он был умным и запоминал движения с первого раза. После второго повторения он выполнял их почти идеально. На первом занятии хореограф случайно чихнул, и Бай Цзиньинь запомнил это и повторил с точностью.

Он точно попадал в ритм, не пропускал и не опережал такты, но проблема была в другом — у него совершенно отсутствовало чувство танца.

Любое движение он выполнял так, словно делал зарядку, жестко поднимая руки и ноги, поворачивая голову. Это было хуже, чем у бабушек на площади.

Хореограф, готовый рвать на себе волосы, ничего не мог сделать и сообщил об этом съемочной группе. Взлетающая Обезьяна тоже не нашла решения, и в итоге Бай Цзиньиня просто поставили за спины других участников, чтобы он не портил общую картину.

Бай Цзиньинь был... очень доволен.

Тань Цзыфэн получил особую роль — он был единственным профессиональным танцором среди двенадцати участников, и съемочная группа подготовила для него сольный номер, чтобы усилить эффектность шоу и подчеркнуть его статус главного фаворита.

Когда песня дошла до середины, Тань Цзыфэн легким шагом вышел в центр сцены, поднял руку и взглянул вдаль. Он готовился исполнить танец, который был специально для него создан — сочетание современного и классического стилей, с высокой сложностью.

Остальные одиннадцать участников стояли вокруг, как фон, а Бай Цзиньинь, выполнив свою часть «зарядки», был поставлен за спиной Тань Цзыфэна, чтобы даже если камера его заснимет, это не испортило бы общее впечатление.

Нельзя было отрицать, что Тань Цзыфэн был великолепен на сцене. Он начал танцевать, его рубаха развевалась, а световые эффекты создавали иллюзию, что он действительно был ангелом, спустившимся с небес, или духом ветра, как называли его фанаты.

Камера сфокусировалась на нем, и на огромном LED-экране появился крупный план его лица. Красивое лицо с выражением погруженности в танец вызвало бурю аплодисментов.

Ван Шэннань взглянула на Цинь Хуа, который смотрел на экран:

— Цинь Сун здесь, так что вам лучше не проявлять свои чувства слишком явно.

Цинь Хуа не ответил, а спросил:

— Ты так и не сказала, зачем он здесь? Неужели действительно в качестве судьи? И кстати, председатель знает об этом?

<http://bllate.org/book/16788/1544048>